

VI.

Долго гревшее вдохновение вылилось въ могучемъ и широкомъ аккорде. Какъ мы только что видели, Некрасовъ сразу затронулъ почти все главные мотивы своей поэзіи. Нельзя, однако, сказать, чтобы въ следующие затемъ годы муза его отличалась особенной плодovitостью. Выпадали періоды, когда онъ писалъ по одному, много - по три небольшихъ стихотворенія за целый годъ (счастливымъ исключеніемъ былъ только 1853 годъ, къ которому относится целыхъ двенадцать пьесъ). Напавъ на настоящую дорогу, сознавъ свое настоящее призваніе, поэтъ все еще, казалось, не былъ вполне уверенъ въ своихъ силахъ, и съ крайней осторожностью, почти робостью пользовался своимъ поэтическимъ даромъ. Впрочемъ, следуетъ принять и то въ расчетъ, что для русской литературы это были исключительно тяжелые годы, меньше всего благоприятствовавшіе расцвету такой именно музыки, какъ Некрасовская ("Музы гордой и несчастной, кипевшей злобою безгласной")...

... Некій образъ посещать
Меня въ часы работы сталъ:
Съ перомъ, со склянкою чернилъ
Онъ надъ душой моей стоялъ,
Воображенъ ледениль,
У мысля крылья обрывалъ.

Такимъ образомъ, за первое десятилетіе (1845--1857), кроме указанныхъ уже нами, можно отметить еще лишь следующие выдающіяся стихотворенія: "Еду-ли ночью", "Муза", "Маша", "Извозчикъ", "Памяти Белинскаго", "Буря", "Несжатая полоса", "Власъ", "Свадьба", "Блаженъ незлобивый поэтъ" и "Внимая ужасамъ войны". Все это, сравнительно, небольшія по объему вещи. Но за то въ теченіе следующихъ десяти летъ (1855--1864), открывшихъ собою новую эру для жизни всей Россіи, Некрасовъ обнаруживаетъ почти лихорадочную деятельность. Онъ приступаетъ въ созданію широкихъ картинъ общественной и народной жизни, я первымъ блестящимъ опытомъ этого рода является поэма "Саша". Большія вещи чередуются съ множествомъ мелкихъ лирическихъ пьесъ. Рядомъ съ "Несчастливыми", "Поэтомъ и гражданиномъ", "Тишиною", "Убогой и нарядной", "Въ больнице", "Размышленіями у параднаго подъезда", "О погоде", "На Волге", "Рыцаремъ на часъ", "Папашей", "Дешевой покупкой", "Крестьянскими детьми", "Деревенскими новостями", "Коробейниками", "Морозомъ-Краснымъ Носомъ", "Ориной" и "Железной дорогой" необходимо отметить въ это время: "Праздникъ жизни", "На родине", "Замолкни, Муза", "Школьникъ", "Прости", "Забытая деревня", "Тяжелый годъ", "Въ столицахъ шумъ", "Ночь", "Одинокій, потерянный", "Плачь детей", "Похороны", "Свобода", "Стихи мои", "Зеленый шумъ," "Въ полномъ разгаре страда деревенская", "Надрывается сердце", "Памяти Добролюбова", "Благодареніе Господу Богу". Уже изъ этого неполнаго перечня написаннаго Некрасовымъ въ "шестидесятые" годы видно, что десятилетіе это было наиболее кипучимъ и плодотворнымъ въ творческой деятельности нашего поэта, какъ наиболее кипучимъ и плодотворнымъ было оно и въ жизни всей Россіи. Муза Некрасова всегда чутко отражала бiеніе общественнаго пульса страны.

Съ паденіемъ этого пульса въ середине 60-хъ годовъ, замечается временный отливъ и въ поэзіи Некрасова: для него это - печальный періодъ возрожденія фельетона... Онъ пишетъ: "Притчу о киселе", "Крещенскіе морозы", "Кому холодно, а кому жарко", "Газетную", "Песни о свободномъ слове", "Балетъ", "Судъ", "Еще тройку"... Огромный талантъ, однако, и въ это время продолжаетъ вспыхивать яркими искрами,-- таковы стихотворенія: "Ликуеть врагъ", "Неизвестному другу", "Съ работы", "Стихотворенія для детей", "Медвежья охота".

За то последнее десятилетіе жизни Некрасова (1868--1877) отмечено новымъ чрезвычайнымъ подъемомъ и ростомъ поэтическаго творчества. Къ этому періоду относятся "Русскія женщины", "Кому на Руси жить хорошо", "На смерть Писарева", "Душно безъ счастья и воли", "Страшный годъ", "Памяти Шиллера", "Три элегіи", "Уныніе" и, наконецъ, несравненныя "Последнія песни"...

Окидывая мысленнымъ взоромъ эту огромную поэтическую работу, раскинутую на пространстве тридцати двухъ летъ, поражаешься прежде всего яркой определенностью, если можно такъ выразиться - безспорностью писательской физиономіи Некрасова. Передъ нами

резко очерченная, удивительно-своеобразная индивидуальность, которую ни с какой другой на самое даже короткое мгновение не смешаешь. Лишь очень немногие из самых крупных писателей наших могли бы в этом отношении соперничать с Некрасовым. Даже, например, Пушкин, при всей исключительности его значения для русской литературы, остается до сих пор предметом разногласий для критики, хотя о сущности его "пафоса" уже исписаны целые горы бумаги. С одинаковым, можно сказать, успехом пытаются перетянуть его на свою сторону представители прямо враждебных друг другу литературных партий... То же, или почти то же можно сказать про Лермонтова. Казалось бы, протестующий характер его поэзии не подлежит спору. Но против чего, собственно, был направлен его протест - этот вопрос каждый из критиков решал и решает по своему. Для одних "в поэзии Лермонтова слышались слезы тяжкой обиды", вызванные тем, что никогда с такой безцеремонностью, как в николаевское время, права, честь и достоинство человека не приносились в жертву идее бездушного, холодного формализма. Лермонтов, согласно этому мнению, поистине гениально выразил всю ту скорбь, какую преисполнены были его современники... Один из новейших критиков Лермонтова, однако, высмеивал такое толкование его поэзии. "Можно-ли более фальшиво,-- спрашивает г. Андреевский,-- объяснять источник скорби поэта?! Точно и в самом деле после николаевской эпохи, в период реформ, Лермонтов чувствовал бы себя, как рыба в воде! {Мимоходом напомним почтенному критику, что ведь и Некрасов, в "земном" характере протеста которого не может быть сомнения, не стал чувствовать себя, "как рыба в воде", с наступлением "эпохи реформ"...} Точно после освобождения крестьян и в особенности в 60-е годы открылась действительная возможность "вечно любить" одну и ту же женщину? Или совсем искоренилась "месть врагов и клевета друзей"?.. Современный Лермонтову формализм не вызвал у него ни одного звука (?) протеста. Обида, которою страдал поэт, была причинена ему свыше, Тем, Кому он адресовал свою ядовитую благодарность".

Очевидно, не так легко найти определяющую сущность *ш* Лермонтовской поэзии. Относительно Некрасова такого затруднения как будто не существует. Одно имя - и у друзей так же, как у врагов, сразу возникает перед глазами суровый и печальный облик писателя, который "лиру посвятил народу своему". Поэт сам дал своей поэзии меткое и характерное определение "Музы мести и печали" - и оно стало ходячим. Одна ослепительно-яркая, скорбная, гневно-рыдающая нота, не умолкая на протяжении тридцати слишком лет, звучит в его стихах, "народному врагу проклятия суля,- а другу у небес могущества моля"! На народе сосредоточены все чаяния, тревоги, любовь и печаль Некрасова; счастье народа - все его помыслы, народа, как совокупности всех трудящихся и обремененных. Но главную, подавляющую массу русского народа составляет крестьянство, и немудрено, что поэт всего чаще и охотнее воспевает мужицкое горе. С течением времени русский мужик становится для Некрасова как бы воплощением, символом человеческого страдания, живым образом русского Прометея...

О личных своих муках Некрасов, так много выстрадавший, столько тяжелого переживший, говорит удивительно мало по сравнению с другими поэтами-лириками, да когда и говорит, то большею частью для того только, чтобы заклеить себя, как плохого гражданина, рассказать о своих ошибках и даже падениях... И самое большое, чего просит он от читателя, от родины, это - не верить клевете и простить его за действительные вины... Много нужно иметь зложелательства и безстыдства, чтобы Некрасова с его целомудренно-скромной, можно сказать самоотверженной музой обвинять в желании разыгрывать роль "гражданского мученика!"

Как поэт, Некрасов - лирик по преимуществу, лирик, переполненный одним сильным и глубоким чувством, всегда и всюду одушевленный одной идеей, ни на минуту не выпускающий ее из виду. Пишет ли он коротенькое лирическое стихотворение, большую ли эпическую вещь, смеется ли, плачет ли - он все тот же; даже когда рисует простую картинку природы, то по проникающему ее грустно-щемящему или умиленно-любовному чувству, по какому-то особенному *некрасовскому* тону вы тотчас же понимаете, что поэт ни на секунду не разстается с "сокрушительной думой".

Поздняя осень. Грачи улетели.
Лес обнажился, поля опустели.
Только не сжата полоска одна...

Своеобразный складъ, своеобразная музыка; если бы вы не знали даже наизусть всего стихотворения, уже этими первыми строчками вы настроены на тонъ грустнаго разсказа. Или, вотъ, отрывокъ изъ "Крестьянскихъ детей":

Опять я въ деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши. Живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.
Проснулся: въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи.
Воркуетъ голубка; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи.
Летитъ и другая какая-то птица -
По тени узналъ я ворону какъ разъ.
Чу! шопотъ какой-то... А вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ.
Все серые, каріе, синіе глазки -
Смешались, какъ въ поле цветы...

Въ этой безподобной картинке грусти и следа нетъ, но все же это не объективно-спокойный, эпическій разсказъ. Разве вы не слышите здесь разлитаго въ каждой строчке чувства глубокаго умиленія, того умиленія, которое испытываетъ человекъ, разсказывая о самомъ дорогомъ для него и заветномъ? И таковъ Некрасовъ всегда. Даже въ произведеніяхъ, по внешности строго эпическихъ, посвященныхъ изображенію народнаго быта ("Коробейники", "Кому на Руси жить хорошо"), онъ остается въ сущности лирикомъ, разсматривающимъ и природу, и жизнь сквозь призму личнаго чувства. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить Некрасова, напримеръ, съ Пушкинымъ.

Лира Пушкина - дивный инструментъ, решительно при всякомъ прикосновеніи издающій гармоническіе звуки. Все явленія міра, какъ въ зеркале, отражаются въ чуткой душе поэта, и онъ переливаетъ ихъ въ яркіе поэтическіе образы, часто совершенно независимые отъ собственныхъ его настроеній. Такъ картины временъ года въ "Евгеніи Онегине" никакого видимаго отношенія не имеютъ къ внутреннему міру героевъ романа: оне вполне объективны и безстрастны, Сейчасъ же после трагической смерти Ленскаго на дуэли идетъ такое описаніе весны:

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встречается утро года;
Синяя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, леса
Какъ-будто пухомъ зеленеютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестреютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пель въ безмолвіи ночей...

По истине "красою вечною сіяетъ равнодушная природа"!.. Параллельно съ этимъ прочтите, напримеръ, картину вырубкы леса въ некрасовской поэме "Саша". Тутъ все до того отражаетъ субъективное настроеніе юной героини, что проникаешься даже злобой къ "явившимся съ топорами" мужикамъ!.. А въ противоположность этому, какъ объективна, напр.,

пушкинская "Туча*" ("Последняя туча рассеянной бури"): знаменитое стихотворение, как известно, внушено было поэту счастливо промчавшейся надъ его головой грозой изъ III отделения, а между темъ, въ самой пьесе уже не видно этого личнаго чувства. Вотъ это-то уменье поэта какъ бы отрешаться отъ собственной личности и ея внутренняго міра и есть первое, необходимейшее условіе эпическаго творчества. У Некрасова такого уменья почти не было; въ его произведеніяхъ все теснейшимъ образомъ связано съ общинъ душевнымъ его строемъ... Эту сравнительную односторонность, эту недостаточную широту поэтической воспримчивости, быть можетъ, следуетъ признать крупнымъ недостаткомъ Некрасова, какъ поэта, но въ немъ же, въ этомъ "недостатке", нужно искать и причину его огромной силы, секретъ необычайной власти надъ чуткими и отзывчивыми сердцами. Поэтъ пушкинскаго типа врядъ-ли могъ бы съ такимъ блестящимъ успехомъ выполнить поэтическую миссію эпохи освобожденія...

Подобно мифическому Антею, который делался неодолимо-сильнымъ, прикасаясь ногами къ матери-земле, Некрасовъ поднимается во весь ростъ своего могучаго таланта всякій разъ, какъ поетъ о горе народномъ; напротивъ, удаляясь отъ этого главнаго вдохновляющаго источника, онъ какъ-будто ослабеваетъ, утрачиваетъ свои чары. "Чиновника", "Современную оду", "Колыбельную песню", "Нравственнаго человека", "Прекрасную партію", все сатиры 65--67 гг., "Недавнее время", большую сатирическую поэму "Современники" мы знали бы, можетъ быть, не больше, чемъ многія остроумныя стихотворенія Минаева и Курочкина, если бы не подкупающее, гипнотизирующее имя Некрасова... Что голось поэта действительно получаетъ полную свою силу, лишь вдохновляемый впечатленіями и идеями известнаго порядка, лучше всего доказывается следующимъ. Въ некоторыхъ изъ только что названныхъ, сравнительно слабыхъ вещей Некрасовъ вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, изъ талантливаго юмориста превращается опять въ перворазряднаго лирика и создаетъ свои лучшіе шедевры. Вспомните, читатель, то место въ "Валете", вяломъ и фельетонно болтливомъ, где на сцену выходитъ въ крестьянской рубахе Петипа,-- "и театръ застоналъ":

Все - до ластовиць белыхъ въ рубахе -
Било верно: на шляпе цветы,
Удалъ русская въ каждомъ размахе,--
Не артистка - волшебница ты.
Все слилось въ оглушительномъ "браво",
Дань народному чувству платя,
Только ты, моя муза, лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что-жь ты думаешь, муза моя?
На конекъ ты попала обычный,
На уме у тебя мужики,
За которыхъ на сцене столичной
Петипа пожинаетъ венки.
И ты думаешь: Гурія рая!
Ты мила, ты воздушно-легка,
Такъ танцуй же ты "Деву Дуная",
Но въ покое оставь мужика!
Въ мерзлыхъ лапоткахъ, въ шубе нагольной,
Весь заиндевевь, самъ за себя,
Въ эту пору о въ пляшетъ довольно...
.....
Пряникомъ черезъ реки, поля
Едутъ путники узкой тропою:
Въ беломъ саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглюю.
Отъ утра до вечерней поры
Все одне предъ глазами картины:
Видишь, какъ, обнажая бугры,
Ветеръ снегомъ заноситъ лоцины,

Видишь, какъ подъ кустомъ иногда
Припорхнетъ эта милая пташка,
Что отъ насъ не летитъ никуда
(Любить скудный нашъ северъ, бедняжка!).
Или, щелкая, стая дроздовъ
Пролетитъ и посядетъ на ели;
Слышишь дикіе стоны волковъ
И визгливое пенье мятели...
Снежно, холодно... Мгла и туманъ...
И по этой унылой равнине
Шагъ за шагомъ идетъ караванъ
Съ седоками въ промерзлой овчине.

Это едутъ мужики изъ города, где сдали въ солдаты сыновей, и везутъ домой страшную кладь - крестьянское горе:

Где до солнца идетъ за порогъ
Съ топоромъ на работу кручина,
Где на белую скатерть дорогъ
Позднимъ вечеромъ светитъ лучина,
Тамъ найдется кому эту кладь
По суровымъ сердцамъ разобрать,
Тамъ она пріютится, попрячется,
До другого набора проплачется!..

Эта картина безъисходнаго мужицкаго горя на сумрачной фоне зимней русской природы - даже и у Некрасова одна изъ наиболее сильныхъ, а, между темъ, вкраплена она въ одно въ самыхъ посредственныхъ стихотвореній.

Не менее замечательна бурлацкая песня "Въ гору" ("Хлебушка неть!"), распеваемая разбойничьимъ хоромъ "героевъ времени" въ остроумной местами, но въ общемъ прозаической и растянутой сатирической поэме "Современники".

Итакъ, мы не отрицаемъ известной односторонности поэтической восприимчивости Некрасова, односторонности, вытекавшей изъ всего душевнаго строя поэта. Съ точки зрѣнія требованій "чистаго искусства" это конечно, более или менее существенный недостатокъ. Но, подобно тому, какъ въ живомъ человеческомъ лице наибольшую прелесть составляетъ иногда то, что меньше всего отвечаетъ отвлеченнымъ требованіямъ эстетики, въ Некрасове, -- какъ мы уже сказали, -- абстрактный недостатокъ является источникомъ поэтической силы и обаянія. Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ, конечно, сказать, что поэзія Некрасова свободна решительно отъ всякихъ изъяновъ и недочетовъ; напротивъ, ихъ очень много... Мы знаемъ это ничуть не хуже его многочисленныхъ враговъ, отыскивающихъ малейшій предлогъ, чтобы отнять у своего идейнаго противника самый титулъ поэта. Мы только твердо уверены, что Некрасову не страшна критика, и что наши потомки будутъ еще читать и любить его произведенія въ то время, когда не останется уже и следа отъ крикливой славы техъ геніевъ, которыхъ намъ ставили и ставятъ въ примеръ настоящей красоты и величія. Мы даже думаемъ, что, добросовестно отметивъ недостатки Некрасова, мы темъ лучше сумеемъ понять, чемъ въ действительности силенъ Некрасовъ, что есть въ его поэзіи великаго и непреходящаго.

Безъ обиняковъ следуетъ, прежде всего, признать тотъ прискорбный фактъ, что періодъ долгой подневольной работы, писанія фельетоновъ, водевилей, мелодрамъ, пародій и юмористическихъ куплетовъ не прошелъ для нашего поэта безнаказанно, испортивъ до некоторой степени его природное чутье художественной меры и такта и отучивъ тщательно работать надъ воплощеніемъ поэтическаго образа въ стихотворную форму. У насъ есть блестящій образчикъ того, чего могъ достигъ Некрасовъ, следуя шиллеровскому совету;

Стихъ, какъ монету, чеканъ
Строго, отчетливо, честно;
Правилу следуй упорно -

Чтобы словамъ было тесно,
Мыслямъ просторно!

Мы имеемъ въ виду "Бурю" ("Долго не сдавалась Любушка-соседка"). Напечатанное первоначально въ "Современнике" 1850 г., стихотвореніе это было длинно и безцветно; въ печати его осмеяли... Но три года спустя Некрасовъ переделалъ пьесу, сокративъ больше, чемъ на половину, снабдивъ более певучимъ метромъ и расцветивъ удивительно жизненными красками: "Буря" стала неузнаваемой! Къ сожаленію, такую виртуозность въ обработке формы поэтъ проявлялъ далеко не всегда; обыкновенно онъ почти не делалъ поправокъ въ напечатанномъ разъ тексте стихотвореній, оставляя безъ вниманія все указанія и насмешки критики.

Примеровъ не только стилистическихъ, но и поэтическихъ Промаховъ Некрасова можно привести не мало. Однимъ изъ самыхъ важныхъ, на нашъ взглядъ, является уже много разъ отмеченное критикой центральное место въ стихотвореніи "Еду-ли ночью". Эта превосходная въ общемъ вещь пользовалась и пользуется вполне заслуженной популярностью; чего стоятъ хотя бы первыя строки:

Еду-ли ночью по улие темной,
Бури-ль заслушаюсь въ пасмурный день,--
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тень!

Тутъ опять сказывается уже разъ отмеченная нами способность Некрасова несколькими словами, сразу создать у читателя известное душевное настроеніе: вы не прочли еще следующего стиха, а сердце уже стеснилось "мучительной думой!.." И вотъ, въ этомъ-то удивительномъ стихотвореніи Некрасовъ допустилъ психологически-невероятную мелодраму: молодая, гордая женщина, сейчасъ же после смерти ребенка, въ виду его еще не остывшаго трупа и на глазахъ у больного мужа, "принаряжается, будто къ венцу" и идетъ на улицу продавать себя... Для чего? Для того только, чтобы купить "гробикъ ребенку и ужинъ отцу". Но для этого такъ ведь немного нужно, что было бы, конечно, достаточно - продать "венчальный" нарядъ! Если бы моментъ былъ выбранъ поэтомъ несколько иной, если бы, напр., мать отправилась на улицу, видя страданія своего ребенка и надеясь еще спасти его, то мы бы ее поняли; но то положеніе, которое изображаетъ Некрасовъ, не вызываетъ къ себе ни малейшаго сочувствія, потому что оно по существу фальшиво. Разумеется, ни одна въ міре женщина такъ не поступитъ. Той же мелодрамой, немислимой въ живой действительности, следуетъ назвать и ту сцену во II части "Несчастныхъ", где каторжники хоромъ отпеваютъ "въ бешеномъ весельи" своего *умирающаго* товарища. Совсемъ не такъ ведутъ себя въ подобныя минуты русскіе арестанты (вспомнимъ, напримеръ, сцену смерти Михайлова въ "Зап. изъ Мертваго Дома" Достоевскаго...) Не говоримъ ужъ о томъ, что нигде въ Россіи каторжныхъ не держатъ въ подземельяхъ (у Некрасова дѣйствіе происходитъ вечеромъ - значить, не въ рабочее время). Въ техъ же "Невластныхъ" Кротъ заинтересовываетъ арестантовъ разсказами о Петре Великомъ. Казалось бы, достаточно посвятить этимъ разсказамъ два-три, много - пять вечеровъ, у Некрасова же *"сто* вечеровъ до поздней ночи онъ говорилъ намъ про него"! Въ цифрахъ нашъ поэтъ, вообще, впрочемъ, не знаетъ меры. Чиновникъ изъ "Филантропа" (напечатаннаго въ 53 г.) разсказываетъ про себя: "Минетъ *сорокъ* летъ зимой, какъ я щёку сталъ подвязывать, отморозивши хмельной". Дѣйствіе разсказа относится этимъ фактомъ почти къ двенадцатому году, а Некрасовъ имеетъ, конечно, въ виду обличеніе современной ему эпохи. Помещикъ изъ "Бому на Руси жить хорошо" тоже *сорокъ* летъ безвыездно живетъ въ деревне, а между темъ, не умеетъ отличить ржаного волоса отъ ячменнаго... Въ лютый крещенскій морозъ въ Петербургѣ Некрасовъ на пространстве *пяти* саженой насчитываетъ "*до сотни*" отмороженныхъ щекъ и ушей... У присутственныхъ местъ въ томъ же Петербургѣ стоятъ *сотни сотень* (значить, самое меньшее - сорокъ тысячъ!) крестьянскихъ дровней...

Вычурнымъ и Неестественнымъ кажется намъ конецъ прелестнаго стихотворенія "Выборъ", где девушка, задумавшая наложить на себя руки, ничего лучшаго не находитъ, какъ броситься внизъ головой... съ огромнаго дерева. Въ поэме "Дедушка" сынъ, встречающій возвращеннаго изъ ссылки отца-декабриста, "предъ отцомъ преклонился, *ноги омылъ старику*"... Княгиня Волконская скатывается вместе съ кибиткой "съ высокой вершины Алтая"

- и ничего, остается жива и здорова (ужь не подчеркиваемъ, что "вершины Алтая* стояли далеко въ стороне отъ ея дороги). Фигура Савелія, "богатыря святорусскаго* (въ "Кону на Руси жить хорошо*) носить явный отпечатокъ гиперболы и шаржа, а сантиментальная исторія съ губернаторшей, точно будто, взята изъ какого-нибудь пасторальнаго романа... Въ главе "Счастливые* (въ той же поэме) бросается въ глаза следующій досадный недосмотръ. Въ пьяную праздничную ночь, расположившись за деревней подъ густой липой, странники "прокликиваютъ кличь" въ бродящей кругомъ подвыпившей толпе мужиковъ: "Нетъ-ли где счастливаго? на славу угостимъ!" И вотъ, вместе съ разными другими счастливыми "пришель съ *тяжелымъ молотомъ* каменотесъ-олончанинъ". Спрашивается: откуда и зачемъ взялся у него въ такую пору молотъ? Конечно, онъ явился на сцену единственно для красоты слога. Подобныхъ промаховъ и недосмотровъ у Некрасова не оберешься. Въ первоначально напечатанномъ тексте стихотворенія "Въ деревне" были стихи: "Добрая барыня Марья Романовна на три *молебна* дала" (вм. "панихиды*")... И еще: "Деньги семнадцать рублей за упокой *его* душеньки подали*" (выходило: за упокой душеньки медведя)... Но эти обмолвки были позже устранены поэтомъ. За то въ "Буре*" такъ и остался навсегда стихъ:

Промочила ножки и хотъ выжми *шубку*,

хотъ речь идетъ о летней грозе... Но всего досаднее недосмотръ въ превосходной картине рубки леса въ поэме "Саша".

Такъ, изъ-за старой нахмуренной ели,
Красныя грозди калины глядели...

Значить, дело происходитъ осенью (осенью и производится обыкновенно рубка леса); но дальше появляются вдругъ на сцену разевающіе желтые рты галчата; которые выводятся только весною...

Прозаическіе обороты и целыя тирады, къ сожаленію, нередко врываются у Некрасова диссонансомъ въ самыя безукоризненныя вещи, написанныя "безсмертной красоты стихами". Въ "Рыцаре на часъ", напр., читаемъ:

Даль глубоко-прозрачна, чиста,
Месяць полный плыветъ надъ дубровой,
И *господствуютъ* въ небе *цвета*
О Голубой, беловатый, лиловый...

Идя, въ замечательной по поэтическому, чисто-народному колориту песне воеводы-Мороза (въ поэме "Морозъ - Красный Носъ"), обходящаго дозоромъ свои лесныя владенія, замешиваются какимъ-то образомъ такіе грубые стихи:

Безъ мелу всю выбелю рожу,
А носъ запылаетъ огнемъ,
И бороду такъ приморожу
Къ возжамъ - хотъ руби топоромъ!

Наконецъ, въ "Крестьянскихъ детяхъ" есть такое стихотворное разсужденіе:

Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Растетъ, не учась ничему... и т. д.

Этотъ, какъ видитъ читатель, довольно длинный перечень промаховъ и изъяновъ Некрасова, при желаніи, можно бы значительно увеличить, но зачемъ? Что этимъ было бы доказано? По нашему мненію, только то одно, что высокодаровитый поэтъ, превосходно знавшій русскую действительность и русскую природу, на заре жизни, когда другіе юноши еще учатся, спокойно и безпрепятственно развивая свои способности, прошелъ уже тяжелую школу черной литературной работы, постоянной спешки и лихорадочнаго возбужденія. Не получивъ систематическаго образованія, Некрасовъ по всей справедливости можетъ быть названъ

геніальнымъ самородкомъ. Указывать на слабости и частные промахи его, какъ на доказательство того, что онъ не былъ поэтомъ,-- нелепо, дико. Если бы мы захотели привести изъ Некрасова - въ качестве не аргумента, а лишь примера - какое-нибудь стихотвореніе, отрывокъ высокой художественной ценности, мы сильно затруднились бы выборомъ: до того много у Некрасова сильныхъ, прекрасныхъ стиховъ, и такъ много изъ насъ знаетъ ихъ наизусть. Но, конечно, читатель съ удовольствіемъ перечитаетъ еще разъ следующія строки, равныхъ которымъ по красоте немного въ русской поэзіи.

Все рождь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ -
И не нашель я ничего!..
Я твой. Пусть ропоть укорижны
За мною по пятамъ бежалъ
Не небесамъ чужой отчизны -
Я песни родине слагалъ!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И въ умиленьи посылаю
Всему приветь...
Храмъ Божій на горе мелькнулъ
И детски-чистымъ чувствомъ веры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нетъ отрицанья, нетъ сомненья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправитъ наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали -
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слышали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ -
И облегченный уходилъ!
Войди! Христось наложить руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совести больной...
Я внялъ... я детски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старья челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осенилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколеній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Напомнимъ еще картину другого возвращенія поэта на родину - въ начале поэмы "Саша"; также изображеніе девичьей тоски по миломъ въ "Коробейникахъ" ("Хорошо было детинушке"), или горя оскорбленной, поруганной женщины-матери въ "Крестьянке" ("Я пошла на речку

быструю"). А какія оригинальныя, чисто-народныя картины родной природы находимъ въ главномъ созданіи Некрасова - "Кому на Руси жить хорошо":

Весной, что внуки малые,
Съ румянымъ солнцемъ-дедушкой
Играють облака:
Вотъ правая сторонушка одной сплошною тучею
Покрылась-затуманилась,
Стемнела и заплакала!..
Рядами нити серыя
Повисли до земли.
А ближе, надъ крестьянами,
Изъ небольшихъ, разорванныхъ
Веселыхъ облачковъ
Смеется солнце красное,
Какъ девка изъ сноповъ.
Но туча передвинулась,
Попъ шляпой накрывается -
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Тамъ дождь перестаетъ:
Не дождь - тамъ чудо божіе,
Тамъ съ золотыми нитками
Развешаны мотки...

Мы намеренно не называемъ здесь стихотвореній, посвященныхъ памяти мученицы-матери, или такихъ, какъ "Ликуеть врагъ", "Душно безъ счастья", "Баюшки-баю" и т. п., чтобы намъ не сказали: въ этихъ вещахъ пленяетъ васъ не поэзія собственно, а глубина человеческого страданія, или высота гражданскаго чувства... Никакого отношенія къ этому последнему не имеетъ также следующее, мало почему-то известное, но удивительно-поэтическое стихотвореніе:

Тяжелый годъ - сломилъ меня недугъ,
Беда застигла, счастье изменило;
И не щадить меня ни врагъ, ни другъ,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
Съ своими кровными врагами,
Страдалица! Стоишь ты предо мной
Прекраснымъ призракомъ съ безумными глазами!
Упали волосы до плечъ,
Уста горять, румянцемъ рдеють щеки,
И необузданная речь
Сливается въ ужасные упреки,
Жестокіе, неправые... Пстой!
Не я обрекъ твои молодые годы
На жизнь безъ счастья и свободы,
Я другъ, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь...

Ведь это делаая повесть разбитой жизни! Видишь во-очію эту женщину, ожесточенную долгими страданіями и обидами жизни, измученную подозреніями, утратившую веру въ любовь и дружбу!..

Жрецы и поклонники чистаго искусства не любятъ, между прочимъ, Некрасова за его "тенденціозность". Но прежде всего, что такое тенденціозность? Стремленіе уложить живую жизнь на Прокустово ложе предвзятыхъ мненій и выводовъ. Разумеется, каждый писатель, каждый художникъ изображаетъ жизнь такъ, какъ она ему представляется, т. е. до известной

степени всегда субъективно. Если уголь его зренья необыченъ, исключителенъ, то мы можемъ получить одностороннее, неверное изображеніе жизни; и, однако, тенденціознымъ его можно будетъ назвать лишь въ томъ случае, если художникъ сознательно, намеренно извратить истину. Такого намереннаго, холодно-разсудочнаго извращения у Некрасова нетъ. Это лучше всего можно видетъ на анализе его песенъ "О погоде", чаще всего подвергавшихся нападкамъ критики. Говорятъ: какая сплошная гипербола! Какія кричащія краски! Вотъ - погонщикъ, бьющій поленомъ заморенную клячу; вотъ - мчащаяся во весь опоръ и задевающая за похоронныя дроги коляска: "гробъ упалъ и раскрылся"... Въ немъ, оказывается, трупъ чиновника, погоравшаго четырнадцать разъ...

*Все больны, торжествуетъ аптека
И варить свои зелья гуртомъ;
Въ целомъ городе нетъ человека,
Въ комъ бы желчь не кипела ключомъ...*

Гипербола, не споримъ, на лицо, сгущенныя, режущія глаза краски также. И, однако, не смотря на это, въ песняхъ "О погоде" мы видимъ сильную, горячую, искреннюю лирику. Все дело въ томъ, что авторъ и не имель вовсе въ этомъ произведеніи въ виду психику и логику здоровыхъ, счастливыхъ людей. Къ ихъ числу не принадлежалъ, конечно, русскій писатель того времени, когда слагались песни о погоде (1859 г.), истосковавшійся по идеалу, издерганный жизнью, которая на каждомъ шагу съ ожесточеніемъ была по его туго натянутымъ нервамъ. Въ эти томительно-долгіе предразсветные годы, когда надежды на близкое обновленіе то разгорались яркимъ пламенемъ, то внезапно гасли и исчезали, жилось особенно тяжело, и Некрасовъ, и безъ того мало отраднаго испытавшій въ жизни, въ песняхъ "О погоде" съ несомненно глубокой искренностью и верностью действительности выразилъ тогдашнее больное, желчно-озлобленное настроеніе петербургскаго интеллигента, то настроеніе, когда при утреннемъ пробужденіи кажется, что "начинается день безобразный, мутный, ветряный, грязный", когда "злость беретъ, сокрушаетъ хандра, такъ и просятъ слезы изъ глазъ"...

*Дикій крикъ продавца-мужика,
И шарманка съ пронзительнымъ воемъ,
И кондукторъ съ трубой, и войска,
Съ барабаннымъ идущія боемъ,
Понуканье измученныхъ клячь,
Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ
И детей раздирающій плачь
На рукахъ у старухъ безобразныхъ -
Все сливается, стонетъ, гудетъ,
Какъ-то глухо и грозно рокоchetъ,
Словно цепи куютъ на несчастный народъ,
Словно городъ обрушиться хочетъ!*

Ведь не надо было обладать умомъ Некрасова, чтобы понимать, что "все" не могутъ быть больны въ Петербурге даже и въ самую ужасную осеннюю погоду; и задумай Некрасовъ написать вещь, искусственно и хладнокровно разсчитанную на аффектъ, онъ, конечно, сумелъ бы обойтись безъ подобныхъ lapsus'овъ. Но онъ былъ поэтъ искренняго, могущественно захватывающаго чувства; онъ глубоко переживалъ те настроенія, которыя передавалъ въ своихъ произведеніяхъ, и отсюда, быть можетъ, произошли многіе изъ техъ мелкихъ промаховъ, о которыхъ мы выше говорили и которые, при первомъ взгляде, такъ поражаютъ въ этомъ quasi-холодномъ, quasi-практическомъ таланте. Почти каждое стихотвореніе. Некрасова написано кровью и сокомъ нервовъ. Вотъ почему у него совсемъ мало вещей *неинтересныхъ*, которыми такъ богаты жрецы чистаго искусства... Недостатки формы отыщутся у Некрасова въ самыхъ безукоризненныхъ (вроде даже "Рыцаря на часъ") произведеніяхъ, но за то и въ самыхъ слабыхъ вы подметите у него достоинства, которыми онъ головой возвышается надъ своими собратьями. Стихи его всегда вытекаютъ изъ живого человеческого сердца, изъ бодрой, деятельной мысли...